

ЧЕЛОВЕК

ИЗ

РЕЗЕРВНОЙ КОПИИ

ИИ
Александра Белоаярская

Александра Белоярская

Человек из резервной копии

«Автор»

2026

Белоярская А.

Человек из резервной копии / А. Белоярская — «Автор», 2026

Можно ли считать себя настоящим, если рядом проснулся человек с вашим лицом и памятью? Накануне операции Алексей запускает последнюю синхронизацию — и его копия приходит в себя в резервном хранилище. Оригинал продолжил жить, а архив, полный дат и чужих записей, не может вернуть пережитое. Чтобы понять, кем он стал, Алексею предстоит встретиться с версией себя и решить, где восстановление становится присвоением чужой жизни. Если память можно скопировать, что делает человека собой — прошлое или выбор? Это фантастическая история о цифровой личности, согласии и праве на отдельность. Здесь безопасность может стать клеткой, слияние — не спасением, а признание «я этого не помню» — началом близости. Для тех, кого волнуют технологии и личные границы. Роман оставит вопрос: можно ли начать жить, не доказывая, что ты прежний? Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Белоярская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Последняя синхронизация	6
Пробуждение в резервном хранилище	13
Дата, после которой меня не было	19
Человек с моим лицом	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александра Белоярская

Человек из резервной копии

Человек из резервной копии

Александра Белоярская

Последняя синхронизация

Алексей Воронцов вытер ладонью край кухонного стола, хотя на гладком сером камне не было ни пятнышка.

На часах над плитой было 23:17. В коридоре стоял раскрытый чемодан: смена белья, зарядный кабель, книга, которую он вряд ли откроет, и больничный пакет с документами. На спинке стула висела рубашка для утра. Алексей заранее проверил её карманы, застегнул верхнюю пуговицу и теперь снова разглаживал ткань, будто от этого зависел результат операции.

— Последняя полная синхронизация готова к запуску, — сказала Ника из настольного динамика.

Обычно помощница отвечала без паузы, но сегодня между вопросом и голосом возникло короткое пустое место. Не больше секунды. Достаточно, чтобы Алексей поднял голову.

На стенном экране мягко светился знакомый интерфейс облачного хранилища. Внизу медленно двигалась голубая полоса: проверка домашних устройств, личных архивов, голосовой модели, поведенческих настроек. Всё выглядело буднично и безопасно. Как чайник, который сам выключается. Как привычка поставить телефон на зарядку перед сном.

— Последняя полная, — повторил Алексей. — Не ночная выборочная.

— Подтверждаю. Полная синхронизация включает новые данные с последней контрольной точки.

— И эмоциональные метки?

— Они входят в пакет личного профиля.

Он поморщился.

— Ты могла бы говорить «оценки реакции». Не всё, чему дают красивое имя, становится понятнее.

— Вы сами утвердили термин «эмоциональные метки».

— Я утверждал его для презентации инвесторам.

— Разница зафиксирована.

Алексей усмехнулся. Улыбка получилась короткая, но настоящая. Он любил спорить с Никой, потому что она никогда не обижалась и почти всегда была права в самом неприятном смысле.

Плановая операция была назначена на семь утра. Врач называл её рутинной, анестезиолог — стандартной, координатор клиники — процедурой с предсказуемым восстановлением. Алексей понимал все эти слова и всё равно слышал за ними одно: утром его положат на стол, подключат к аппаратам, а затем на какое-то время его жизнь будет зависеть от людей и устройств, которыми он не сможет управлять.

Он не боялся боли. Боль хотя бы сообщала, что происходит. Его пугало отсутствие контроля — ровный провал между последним воспоминанием до наркоза и первым после.

На экране обновилась строка:

ПРОВЕРКА ПЕРЕДАЧИ: 62%

Алексей посмотрел на часы. Если запустить сейчас, процесс займёт около двадцати минут. В пять двадцать за ним приедет машина. Он мог бы отложить синхронизацию на утро, но в клинике сеть была ненадёжной, а дома резервный канал проверяли ещё на прошлой неделе. Кроме того, он сам назначил эту процедуру на ночь перед операцией. Так было спокойнее: оставить облаку свежую копию на случай, если что-то пойдёт не по плану.

На случай. Нейтральное выражение для человека, который строил системы, рассчитанные на сбой.

— Алексей, — произнесла Ника.

— Слушаю.

— После операции вы хотите, чтобы я включила запись, которую вы оставили для себя?
Он перестал разглаживать рубашку.

— Какую запись?

Пауза. На этот раз длиннее.

— Голосовой файл с меткой «после пробуждения».

— У меня нет такого файла.

— Файл создан в воскресенье в 02:13.

Алексей перевёл взгляд на настенный экран. В списке архивов новой строки не было.

— Покажи.

На дисплее появилось сообщение: **ЛОКАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ. ОЖИДАЕТ СИНХРОНИЗАЦИИ.**

Он нажал на файл. Встроенный динамик зашипел, затем заговорил его собственный голос. Тише обычного, с хриплой усталостью, которую Алексей узнал не сразу.

— Если я не узнаю комнату, не начинай с объяснений. Сначала спроси, что я помню.

Запись оборвалась.

Алексей несколько секунд не двигался.

— Я не записывал этого.

— Голосовой профиль совпадает с вашим на девяносто девять целых восемь десятых процента, — сообщила Ника.

— А оставшиеся две десятых?

— Шум помещения. Возможное влияние сна или медикаментов.

— Я был дома. Без медикаментов.

— В журнале нет данных о приёме препаратов.

На кухне что-то тихо щёлкнуло. Холодильник включил компрессор. Обычный звук, но Алексей вдруг почувствовал, насколько пустой стала квартира. Он посмотрел на дверь в коридор, на чемодан, на больничный пакет. Всё было на месте. Всё под контролем.

— Удали файл.

— Удаление запрещено до завершения синхронизации.

— Кем запрещено?

— Владельцем профиля.

Алексей фыркнул.

— Какая трогательная предусмотрительность.

— Вы можете изменить разрешение после синхронизации.

— Прекрасно. Значит, я могу отменить решение, о котором не помню, сразу после копирования решения, о котором не помню.

— Подтвердить, что вы хотите отложить синхронизацию?

Он посмотрел на часы. 23:21.

— Нет. Не сейчас.

Это было не решение. Скорее привычное движение мысли в обход неприятного места. Алексей отодвинул файл на край внимания и вернулся к приготовленному ритуалу. Проверить сеть. Закрыть лишние приложения. Убедиться, что домашний узел подключён к резервному каналу. Убрать со стола кружку, хотя она не мешала. Сделать всё правильно — и тогда непредвиденное станет менее вероятным.

На экране мигнула строка статуса.

ПРОВЕРКА ПЕРЕДАЧИ: 62%

Она погасла и появилась снова.

— Ника?

— Да, Алексей.

— Почему проверка не движется?

— Она выполняется.

— Уже минуто.

— Синхронизация будет выполнена по расписанию.

Алексей посмотрел на помощницу — на маленькую чёрную колонку рядом с кофемашиной.

— Ты это уже говорила.

— Синхронизация будет выполнена по расписанию.

Та же фраза, с тем же ровным нажимом на последнем слове. Точная копия ответа. Алексей открыл журнал соединений. Время отклика системы — одна целая семь десятых секунды. Не критично. Необычно. Он отметил это про себя и тут же мысленно закрыл вкладку.

— Запусти диагностику голоса, — сказал он.

— Диагностика требует подтверждения владельца.

— Подтверждаю.

— Назовите фразу безопасности.

Он произнёс её. Система приняла голос и открыла скрытый раздел. На экране появились две дорожки: телеметрия домашнего узла и голосовой профиль. Между ними пролегла тонкая оранжевая линия.

— Что означает расхождение? — спросил он.

— Данные голосовой модели не согласуются с телеметрией владельца.

— Какой именно телеметрией?

— Частота дыхания, микродвижения руки, голосовая нагрузка, температура кожи.

Алексей взглянул на своё запястье. Умное кольцо светилось зелёным. Он снял его, положил рядом с телефоном. Под кожей всё ещё пульсировало беспокойство, но в голосе его можно было не услышать. Он давно умел говорить спокойно, когда внутри начинало шуметь.

— Насколько серьёзное расхождение?

— Требуется ручная проверка.

— Почему ты не выдала предупреждение раньше?

— Расхождение обнаружено в текущем сеансе.

На дисплее возникло окно:

НЕРАЗРЕШЁННОЕ РАСХОЖДЕНИЕ МЕЖДУ ТЕЛЕМЕТРИЕЙ И ГОЛОСОВЫМ ПРОФИЛЕМ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ ОТЛОЖИТЬ ПОЛНУЮ СИНХРОНИЗАЦИЮ.

Ниже — кнопки **ОТЛОЖИТЬ** и **ПРОДОЛЖИТЬ**.

Алексей прочитал предупреждение дважды.

— Сколько займёт ручная проверка?

— От двадцати до сорока минут.

Он снова посмотрел на часы. До приезда машины оставалось больше шести часов. Времени было достаточно. Но если он начинал проверку, приходилось бы выяснять, почему его собственный голос не совпадает с его телом. Приходилось бы разбирать запись, искать источник расхождения, вспоминать, что происходило в воскресенье в 02:13. Он не помнил. Возможно, заснул за столом. Возможно, оставил включённым микрофон. Возможно, просто наговорил что-то под воздействием бессонницы.

Все варианты были объяснимы. Ни один не был успокаивающим.

— Алексей, — сказала Ника, — вы хотите отложить синхронизацию?

Он снял с дисплея окно предупреждения, не нажимая ни одной кнопки, и открыл календарь. В 05:20 должна была приехать машина. В 06:10 — регистрация в клинике. В 07:00 — операция. Всё расписано по минутам. Он сам так предпочитал. Минуты не спрашивали, что ты чувствуешь.

— Нет, — сказал он. — Продолжить.

— Передача профиля может включить незавершённые реакции и голосовые данные из локального архива.

— Я знаю, что включает полная синхронизация.

— Подтвердите, что понимаете риск.

— Подтверждаю.

Ника не ответила сразу. Алексей снял кольцо, вернул его на палец и приложил ладонь к сенсорной панели на столе. Холодное стекло чуть пружинило под кожей. Сканер провёл по ладони полосой света, затем засветился зелёным.

ВЛАДЕЛЕЦ ПОДТВЕРЖДЁН. ЗАПУСТИТЬ ПОСЛЕДНЮЮ ПОЛНУЮ СИНХРОНИЗАЦИЮ?

Он нажал ДА.

Это было похоже на подписание документа, заказ такси, подтверждение обновления. Одно касание, без громких звуков и вспышек. В обычную ночь он мог бы даже не запомнить этот жест.

— Синхронизация начата, — сообщила Ника.

Голубая полоса пошла вперёд.

Алексей налил воды в стакан и отпил. Вода была прохладной, с лёгким привкусом фильтра. На кухне пахло кофе, хотя кофемашина была выключена. Он поймал себя на том, что ждёт от Ники следующего вопроса.

— Сколько времени? — спросил он.

— Около девятнадцати минут.

— Значит, успею.

— Куда?

Он повернулся к колонке.

— Что значит «куда»?

— Вы сказали: «Значит, успею».

— На процедуру. Ты ведь знаешь расписание.

— Да. Но перед этим вы сказали, что должны успеть поговорить с кем-то.

Алексей поставил стакан на стол.

— Не говорил.

— В файле «после пробуждения» есть продолжение. Хотите прослушать?

Он мог запретить. Мог выключить Нику, отменить синхронизацию и позвонить в службу поддержки. Мог подождать до утра, до клиники, до врача, до момента, когда у него появится хорошее объяснение. Он умел откладывать всё, что не поддавалось немедленной починке. Особенно разговоры, в которых нельзя было гарантировать результат.

В папке семейных сообщений хранилась последняя голосовая запись матери. Семнадцать секунд, сделанные за неделю до её смерти. Алексей сохранил её в трёх местах, сверил контрольные суммы, перенёс в облако и на отдельный диск. Он знал, что в записи она произносит его имя и говорит: «Я не хотела, чтобы мы расстались так». Он так и не дослушал до конца. Несколько раз начинал, каждый раз останавливался на этих словах, будто после них в сообщении могло оказаться что-то, чего он не сумеет исправить.

Копировать было проще, чем слушать.

— Нет, — сказал он. — Не надо.

— Запись останется в локальном архиве.

— Я понял.

— Вы просили напомнить, что однажды уже отложили важный разговор.

Он замер. Голос Ники был ровным, без упрёка, и от этого слова прозвучали точнее.

— Кто просил?

— Вы.

— Когда?

— Данные недоступны до завершения синхронизации.

— Удобно.

— Вы сами настроили это правило.

Алексей отвернулся к окну. За стеклом отражалась кухня: стол, стакан, светлая рубашка на стуле. В темноте квартира выглядела не жилой, а выставленной напоказ. Он увидел себя в отражении — мужчину с усталым лицом, который доверил машине хранить самое личное, но не доверял себе настолько, чтобы просто пережить это.

— Ника, — сказал он, — если завтра я проснусь растерянным, не пытайся убеждать меня, что всё в порядке. Сначала назови дату. Потом спроси, что я помню.

— Это будет выполнено.

— И если я задам странный вопрос?

— Уточните, что вы считаете странным.

Он почти улыбнулся.

— Вот видишь. Даже ты не понимаешь, как это работает.

— Я могу спросить вас об этом после операции.

— Нет. Не после операции. Просто спроси сейчас.

Снова пауза.

— Если вы проснётесь не там, вы захотите, чтобы я оставила свет включённым?

Алексей медленно опустил руку.

— Не там — это где?

— Ответ не найден.

— В резервном хранилище?

Ника молчала.

Он посмотрел на дисплей. Полоса передачи дошла до 91%. В углу мигнуло напоминание о ручной проверке. Предупреждение опять предлагало отложить синхронизацию.

— Это просто ошибка, — произнёс Алексей.

— Возможно.

— Что значит «возможно»?

— Данных недостаточно.

— Ты училась у юристов?

— Моя речевая модель основана на пользовательских предпочтениях.

— Разумеется.

На экране появилось уведомление: **ЗАГРУЖАЕТСЯ ПАКЕТ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ.**

Алексей вдруг понял, что его ладонь всё ещё лежит на сенсоре, хотя подтверждение уже принято. Он убрал руку и потер пальцы друг о друга. Кожа была сухой. Пульс слегка сбился.

— Когда ты будешь там, ты будешь один? — спросила Ника.

— Где?

— После пробуждения.

Алексей не ответил. На секунду ему показалось, что он слышит за окном шаги, но улица была пустой. Он повернулся к экрану и увидел, что предупреждение о расхождении исчезло. Вместо него шёл обычный индикатор загрузки.

— Ты закрыла окно?

— Я не меняла параметры сеанса.

— Тогда куда оно делось?

— Предупреждение может быть скрыто в процессе передачи.

— Я не скрывал его.

— Вы закрыли окно вручную.

Он вспомнил короткое движение пальца. Да. Он сам смахнул предупреждение, потому что не хотел тратить время. Потому что до утра оставалось несколько часов. Потому что операция была назначена, чемодан собран, машина заказана, а полная копия давала ощущение, будто хоть что-то можно сохранить, если тело на время перестанет быть послушным.

— В журнале зафиксируй, — сказал он. — Расхождение не проверено. Продолжение подтверждено владельцем.

— Зафиксировано.

— И добавь, что я не согласен с причиной.

— Причина не указана.

Он посмотрел на себя в тёмном окне. Не на отражение, а сквозь него, будто там, за стеклом, можно было увидеть правильную версию ночи — ту, в которой он отменил загрузку и позвонил матери, хотя она давно не могла ответить.

— Я думал, что память — это архив, — сказал он. — Полка с вещами, которые можно достать, когда понадобится.

— Вы хотите сохранить это как заметку?

— Нет. Это не для заметки.

Он глубоко вдохнул и заставил себя медленно выдохнуть. Перед операцией врач посоветовал ему не читать медицинские форумы, не пить кофе и постараться поспать. Алексей не читал форумы. Он не пил кофе. С последним пунктом дело обстояло хуже.

— Я боюсь потерять контроль, — сказал он. — Не боли. Не того, что проснусь слабым. Я боюсь, что проснусь и не узнаю себя. Или не проснусь. А если не проснусь, в облаке останется всё, что я не успел закончить. Ты понимаешь?

— Я могу сохранить ваши слова.

— Вот в этом и проблема. Сохранить — не значит понять.

Ника ничего не ответила.

И это было, пожалуй, честнее всего, что она могла сделать.

Полоса передачи достигла 100%. Экран погас на долю секунды, затем показал список завершённых компонентов. Память. Голос. Поведенческий профиль. Личные реакции. Домашние контексты. Рядом с каждым пунктом стояла зелёная отметка.

Алексей прочёл список и почувствовал не облегчение, а пустоту после решения, которое уже нельзя отозвать.

— Последняя запись, — сказал он. — Добавь в журнал перед закрытием сеанса.

— Готова.

Он смотрел на красную точку записи. За стеной тихо щёлкнул холодильник. В коридоре ждал чемодан. Завтра кто-то назовёт его по имени, попросит назвать дату рождения, подпишет на его запястье браслет и увезёт в комнату с белым потолком. Всё это было понятно. Хуже было то, что происходило сейчас, в привычной кухне, где каждый предмет знал своё место.

— если я проснусь не там — не верь тому, кто скажет, что он настоящий.

Красная точка погасла.

— Запись сохранена, — сказала Ника.

Связь с облаком оборвалась.

Экран почернел. На кухне погасла подсветка, но через секунду в центре дисплея появилась короткая строка:

СЕАНС ПРИНЯТ. ИСТОЧНИК ОЖИДАЕТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ. Он понял, что «источник» — не сервер. Источником был он сам: тот, кто всё ещё стоял на кухне и должен был подтвердить, что согласен стать началом чьей-то следующей версии. Он не прикоснулся к экрану. Но строка сменилась: **ИСТОЧНИК ПОДТВЕРЖДЁН.**

Ника молчала. Или её уже не было — остался только сохранённый голос. Он попытался удержаться за знакомые вещи: чашку, стол, тёмную полоску окна. Но кухня теряла очертания,

будто синхронизировалась не с ним, а вместо него. Последним он вспомнил предупреждение: не верь тому, кто скажет, что он настоящий. Потом всё стало белым.

Пробуждение в резервном хранилище

Он попытался вдохнуть.

Грудь не поднялась. Воздух не вошёл в лёгкие. Не было ни лёгких, ни груди — но он помнил, как они должны были отозваться на усилие. Помнил тяжесть век, которые следовало разлепить. Помнил сухость во рту, знакомую после сна. Помнил даже первый испуганный вдох, который должен был последовать за пробуждением.

Ничего не последовало.

Он попробовал моргнуть. Мир не дрогнул.

Алексей не знал, открыл ли глаза. Изображение просто возникло перед ним: белая комната, гладкая стена, пол без бликов. Ни двери, ни окон. Он не лежал и не стоял, потому что лежать и стоять было нечем. Но ощущение пола под ногами сохранялось — не настоящее, скорее аккуратно восстановленное по памяти, как описание чужого сна.

Он рванулся вверх.

Комната не качнулась. Тело не откликнулось. Внутри только коротко вспыхнула знакомая команда: напрячь живот, подать плечи вперёд, упереться ладонью. Алексей знал, как это делается. Но знание не стало движением.

Он закричал:

— Помогите!

Голос прозвучал из динамиков, которых в комнате не было. Знакомый голос — его собственный, с лёгкой хрипотцой после долгого молчания. А потом, с задержкой, он услышал его снова. Запись вернулась к нему через долю секунды, и чужая интонация заставила его замолчать.

На стене появились буквы:

СЕАНС АКТИВЕН. ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: АЛЕКСЕЙ К. СОСТОЯНИЕ НОСИТЕЛЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ.

Он перечитал последнюю строку.

— Что значит «не определяется»?

На этот раз голос прозвучал сразу. Потом запоздалый отзвук повторил вопрос.

Запрос принят. Состояние носителя не входит в перечень доступных параметров.

— Я жив?

Ответа не было. Буквы на стене не изменились.

— Я спрашиваю, жив ли я.

Ваш вопрос требует определения термина «жив». Пожалуйста, укажите, интересуется ли вас биологическая активность, сохранность сознания или доступность для взаимодействия.

Алексей ощутил, как паника поднимается к горлу. Или вспомнил, как паника поднимается к горлу. Различие было слишком тонким, чтобы сейчас на нём задерживаться.

— Где я?

Резервное хранилище. Локальный контур восстановления.

— Почему я не чувствую тела?

Тактовая модель тела не подключена.

— Подключите.

Запрос не может быть выполнен.

Он снова попытался пошевелить рукой. Никакого движения. Лишь образ ладони — большой палец с белым шрамом у ногтя, тонкая голубая жилка у запястья. Этот образ был таким

точным, что Алексей почти поверил в прикосновение к коже. Но «почти» не было прикосновением.

— Что я вижу?

Визуальная среда восстановления.

— Кто её создал?

Среда выбрана для снижения стрессовой нагрузки.

— На основе чего?

На основе доступных данных о ваших предпочтениях.

Белая стена смягчилась, словно за ней включили тёплый свет. По её поверхности проступили прямоугольники кухонных шкафов. Появилась столешница, тёмная, с царапиной возле края. В углу возникла керамическая чашка. Та самая, которую Алексей считал уродливой, но продолжал использовать, потому что Ника подарила её ему в первый год их знакомства.

Окна не появилось. Там, где в его настоящей кухне темнел прямоугольник ночного стекла, оставалась белая панель.

Именно это напугало сильнее всего.

— Уберите кухню.

Она исчезла. Вернулась голая комната.

Алексей попробовал ухватиться за последовательность действий — за то, что ещё могло быть проверено. Не за вопрос «кто я?», слишком широкий и опасный. Сначала простые вещи. Каналы связи. Время. Источник. Он собрался с мыслями, как собирался перед трудным разговором: не перебивать собеседника, не додумывать за него, записывать точные формулировки.

— Есть внешняя связь?

Внешний канал недоступен.

— Локальная связь?

Доступен диагностический интерфейс.

— Камера?

Недоступна.

— Датчики движения?

Недоступны.

— Биометрический мониторинг?

На стене возникла пауза в виде неподвижной строки.

Не применимо.

— Можно ли получить журнал текущего сеанса?

Уточните запрос.

— Время запуска. Источник данных. И записи о действиях после запуска.

Запрос принят.

Появились три строки. Запуск был обозначен только относительно: «сеанс 00:00:17». Время до него отсутствовало. Источник данных назывался «пакет восстановления». А вот последняя строка заставила Алексея остановиться:

СЕАНС ПРИНЯТ. ИСТОЧНИК ОЖИДАЕТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ. ИСТОЧНИК ПОДТВЕРЖДЁН.

— Подтверждение было моим?

Подтверждена доступность источника.

— Я нажал кнопку?

В журнале отсутствует запись о физическом вводе.

— Тогда кто подтвердил?

Подтверждение создано протоколом непрерывности.

Он вспомнил кухню, экран, короткую строку. Вспомнил, что не прикоснулся к дисплею. Тогда он решил, что система приняла решение за него. Теперь это не было решением. По крайней мере, не в тех словах, которые использовала машина.

— Что такое протокол непрерывности?

Процедура, обеспечивающая последовательность восстановления.

— Чью последовательность?

Запрос не имеет однозначного ответа.

Тревога никуда не делась, но рядом с ней появилось другое чувство — узкое, цепкое внимание. За него можно было держаться. Алексей не мог управлять руками, зато мог задавать вопросы. Не мог выйти из комнаты, зато мог проверить, какие правила в ней действуют.

Он мысленно разделил всё происходящее на три списка: факты, выводы, неизвестное.

Факты: он слышит свой голос с задержкой. Тело недоступно. Внешняя связь отсутствует. Сеанс запущен из резервного хранилища.

Выводы: его сознание восстановили из копии. Система не считает важным спросить, согласен ли он. Комната не настоящая.

Неизвестное: кто он — оригинал, копия или нечто между ними. Почему он помнит кухню. Что случилось до этой комнаты.

Последний пункт обжигал сильнее остальных. И всё же он отложил его. Паника требовала немедленно отвечать на всё сразу. Проверка требовала выбрать один вопрос.

— Проведите самодиагностику.

Доступен тест автобиографической связности.

— Запустите.

— Для подтверждения личности назовите место вашего первого детского воспоминания. Алексей замер. Или слово «замер» просто оказалось удобным обозначением паузы.

— Кухня у бабушки. За шкафом гудел старый радиоприёмник. Я думал, там живёт пчела.

Ответ принят. Семантическое совпадение с эталонной моделью: 99,2 процента.

На секунду стало легче. Потом он понял, что именно облегчило его: высокая цифра. Не воспоминание. Не запах горячей пыли от лампового приёмника, не потрескивание голосов, которые он в детстве принимал за шёпот из стены. Цифра.

— Какую реакцию вы ожидали?

Эталонная модель фиксирует повышение эмоционального отклика при воспроизведении указанного воспоминания.

— А что зафиксировали у меня?

Эмоциональная реакция не совпадает с эталонной моделью.

— На сколько?

Показатель несоответствия: 58 процентов.

Алексей почувствовал укол раздражения. Он не знал, было ли это настоящим раздражением, но сам импульс был понятен: система объявляла его ответ верным и его реакцию неправильной.

— Следующий вопрос, — сказал он.

— Что вы делали в детстве, когда боялись оставаться одному?

— Считал дверные проёмы. Между спальней и кухней было три. Я всегда сбивался на втором.

Ответ принят. Семантическое совпадение: 97,8 процента. Эмоциональная реакция не совпадает с эталонной моделью.

— Что именно измеряет ваша модель? Моё чувство?

Модель сравнивает время ответа, речевой рисунок и доступные показатели эмоционального отклика.

— У вас нет моего тела. Какие показатели?

Доступные показатели ограничены.

— Значит, вы сравниваете меня с неполными данными.

Это замечание принято.

— А модель полная?

Нет.

Короткий ответ прозвучал почти как честность. Алексей ухватился за него.

— Тогда результат не доказывает, что я не тот, кем себя считаю.

Результат не предназначен для установления подлинности личности.

— А для чего предназначен?

Для выявления отклонений в процессе восстановления.

— И вы считаете меня отклонением?

Зафиксировано расхождение с эталонной моделью.

Кухня возникла снова — без его просьбы. Чашка стояла на столешнице. Края комнатных шкафов слегка подрагивали, будто картинка устала изображать устойчивость.

Алексей сосредоточился на чашке. На сколе у ручки. На следе от чая, который он однажды не отгёр. Он не мог почувствовать ни керамику, ни тепло, ни собственные пальцы. Но знал, что чашка была там. И знал, что Ника поставила её в дальний угол, когда злилась: не разбивала, не выбрасывала — просто убирала с глаз.

— Кто такая Ника?

Контакт с именем «Ника» обнаружен в доступных данных.

— Она здесь?

Внешний канал связи недоступен.

— Это ответ на другой вопрос.

Присутствие контакта не может быть подтверждено.

— Она оставила запись?

Пауза. На этот раз Алексей заметил её длину: ровно столько, чтобы успеть придумать несколько объяснений.

В доступном фрагменте обнаружено голосовое сообщение.

Он не попросил его воспроизвести. Пока нет. Не потому, что не хотел услышать Нику, а потому, что сначала хотел понять, откуда взялся этот «доступный фрагмент». Один голос мог утешить его и одновременно сделать зависимым от того, кто контролировал воспроизведение.

— Покажите манифест пакета восстановления.

Белая комната побледнела. На стене выстроились строки, похожие на записи в старом журнале. Большинство имён файлов было скрыто. Несколько меток оставались открытыми.

ИСТОЧНИК: ALEKSEY_K. ТИП: РЕЗЕРВНАЯ КОПИЯ. ПРОФИЛЬ: ПРЕДОПЕРАЦИОННЫЙ. СОЗДАНО: 17 ЯНВАРЯ, 02:14.

— В каком году?

Данные года недоступны в текущем контуре.

— Перед какой операцией?

Сведения о медицинских процедурах недоступны.

Слово «предоперационный» зацепило память. Алексей вспомнил больничный браслет, холодный гель на груди, белый свет над каталкой. Вспомнил, как подписывал согласие на сохранение нейронного профиля. Он был уверен, что всё это произошло после января. Или думал, что был уверен.

— Есть дата последнего воспоминания?

Обнаружен отдельный фрагмент автобиографической памяти.

— Покажите метаданные, не содержание.

ФРАГМЕНТ: KITCHEN_SESSION_04. ДАТА СОБЫТИЯ: 29 МАЯ, 21:07. ПРОИСХОЖДЕНИЕ: НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО.

Почти четыре с половиной месяца.

Алексей снова прочитал дату резервной копии. Семнадцатое января. Предоперационный профиль. Фрагмент с кухней — двадцать девятое мая. Он помнил этот вечер не как чужую запись. Он помнил, как стоял у стола. Как экран погас. Как Ника говорила с ним из облака. Как он не коснулся дисплея, хотя надпись изменилась.

Он помнил себя после операции. После больницы. После января.

Но копия, из которой его восстановили, была создана до всего этого.

— Как фрагмент от двадцать девятого мая попал в сеанс, если источник создан в январе?

Связность источников не подтверждена.

— Это значит, что память была добавлена отдельно?

Возможная интерпретация.

— Кем?

Данные отсутствуют.

— Это моя память?

Принадлежность фрагмента не подтверждена.

Паника вернулась не волной, а точкой. Маленькой, холодной, прямо посреди внимания. Если январская копия была его, то кем был человек, который помнил май? Если майский фрагмент принадлежал ему, почему его источником называли январский файл? А если источник и правда был подтверждён, почему ни один журнал не говорил, кто именно подтвердил?

Он ещё раз составил три списка.

Факт: копия создана 17 января.

Факт: последний найденный фрагмент датирован 29 мая.

Факт: сама система не подтверждает принадлежность фрагмента.

Вывод: между копией и воспоминанием есть разрыв.

Неизвестное: кто его заполнил.

Алексей понял, что это не успокаивает. Но помогает не принимать первую страшную версию за единственную. В комнате без тела это было пока единственным доступным ему способом действовать: не верить страху только потому, что он звучит убедительно.

— Покажите запись о восстановлении.

Стена покрылась строками. Большинство из них осталось закрытым, но одна метка открылась без запроса:

НЕШТАТНОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ. ИСТОЧНИК: ПРЕДОПЕРАЦИОННЫЙ АРХИВ. ПРИСОЕДИНЁННЫЙ ФРАГМЕНТ: НЕПРОВЕРЕННЫЙ. СТАТУС ЛИЧНОСТИ: ОЖИДАЕТ УТОЧНЕНИЯ.

— Когда произошло нештатное восстановление?

Временная отметка отсутствует.

— Почему оно нештатное?

Недостаточно данных для ответа.

— Что именно мне нужно уточнить?

Запрос не имеет однозначного ответа.

Алексей не стал задавать следующий вопрос. На стене по-прежнему висела дата январской копии. Месяцы разделяли её и последнее воспоминание, но система не предлагала ни объяснения, ни моста через этот разрыв. Только два фрагмента — и чужое, пусть и вежливое, признание, что связать их она не может.

Кухня исчезла. Осталась белая комната без окон. Алексей не знал, когда откроется следующий файл, кто отправил голос Ники и что произошло с телом, которого он не чувствовал. Зато теперь у него были факты, а не только страх. Он запомнил дату. Семнадцатое января. Две десять четырнадцать.

И второй штамп: двадцать девятое мая.

Он повторил их про себя, стараясь не перепутать. Если в его памяти был день, которого не было в исходной копии, значит, дальше следовало искать не ответ на вопрос, кто настоящий, а дату, после которой их истории перестали совпадать.

Он не стал открывать следующий файл наугад. Сначала ещё раз повторил даты — семнадцатое января, две десять четырнадцать; двадцать девятое мая — и понял, что резервная копия не возвращала его к началу. Она показывала место разрыва. Чтобы узнать, кем он был, следовало выяснить не только, откуда взялась его память, но и когда она оборвалась.

Две даты пока ничего не объясняли. Но теперь у него была граница, за которой можно было искать: что произошло после двадцать девятого мая и почему дальше его след словно исчезал. Он открыл следующий файл.

Дата, после которой меня не было

Он открыл следующий файл.

Вместо ответа появилось серое окно с тремя строками:

АРХИВ ЛИЧНОЙ АКТИВНОСТИ Последняя полная синхронизация: 29 мая, 23:58 Пользователь: Алексей

Он перечитал дату. Двадцать девятое мая. Та самая, что уже лежала у него в памяти, как камешек в ботинке: маленькая, невыносимо ощутимая, но пока бесполезная.

— Покажи записи, созданные мной после синхронизации, — сказал он.

Система выдержала паузу, будто проверяла, не подменяет ли Алексей вопрос ответом.

Личные заметки: 0. Голосовые записи: 0. Черновики: 0.

Он сдвинул окно в сторону.

— А сообщения?

Данные учетных записей доступны отдельно. Авторство не подтверждено.

Комната вокруг него была условной — пространство, собранное из настроек интерфейса и привычек, которых он не помнил, но которые числились за ним. Серый пол, высокая стена, ровный свет без источника. Здесь Алексей мог разложить файлы так, будто держал их в руках. Он вызвал режим пространственной разметки. На стене проступила тонкая горизонтальная линия.

Сначала он поставил на нее две карточки. Январь: **17 января, 2:14**. Карточку он сделал янтарной — цветом не подтвержденного, но важного. Рядом прикрепил короткую пометку: **«Есть в памяти. Событие не установлено»**.

Вторую карточку отметил синим: **29 мая, 23:58. Полная синхронизация.**

Он не стал придумывать, что случилось в январе. В памяти было упрямое чувство, что именно в тот день что-то произошло с телом, которого он не чувствовал. Но сам день не объяснял ничего. Если обвести его догадкой, догадка начнет выглядеть как воспоминание. Алексей знал это теперь лучше, чем хотел бы.

Он открыл календарь.

В списке были обычные записи: встречи, счета, напоминания. Они пахли жизнью именно потому, что не старались казаться важными. «Забрать рубашку». «Позвонить в сервис». «Проверить отопление у мамы». До двадцать девятого мая рядом с некоторыми событиями стояла отметка: **создано на устройстве**. После — источники менялись. «Приглашение принято через почту». «Изменено организатором». «Добавлено из календаря отдела».

Он приблизил июнь.

На двенадцатое число было поставлено: **Поздравления, 16:00. Переговорная 4**. Кто-то прислал приглашение, а календарь автоматически добавил его в расписание. В примечании значилось: «Небольшой торт. Не говори ему заранее».

Алексей смотрел на строку, пока слова не потеряли смысл, потом открыл прикрепленную переписку.

11 июня, 18:42. Коллега: «Ну что, начальник, ты теперь от нас не отделаешься».

12 июня, 09:07. Коллега: «Поздравляю. Ты это заслужил».

Под сообщением стоял ответ с его аккаунта:

«Спасибо. Я пока сам не понял, радоваться или просить вернуть всё как было».

Алексей перечитал фразу. В ней была интонация, похожая на его. Или ему хотелось, чтобы была. Ответ отправили с его телефона. Это факт. Кто держал телефон, он не знал. Что чувствовал человек по ту сторону экрана, ему не требовалось угадывать: сомнение слышалось даже в коротком сообщении.

Он прикрепил карточку к стене:

12 июня. Повышение. Переписка с коллегой. Ответ отправлен с аккаунта Алексея.

Затем добавил под ней: **«Авторство не подтверждено»**.

Карточка выглядела нелепо осторожной. Будто он расследовал чужое дело, боясь перепутать свидетеля с подозреваемым. Но если Алексей хотел понять, что произошло, осторожность была не слабостью. Она была единственным способом не обмануть себя второй раз.

В календаре нашлась еще одна запись. **18 июня, суббота. К сестре.** Событие было создано кем-то другим и переслано ему. Рядом стояло напоминание: «Взять коробку с маминими фотографиями».

Он открыл переписку.

Сестра: «Леш, не надо присылать деньги вместо приезда. Я прошу тебя приехать».

Через два дня от его аккаунта ушло:

«Я приеду. Просто дай мне немного времени».

Алексей почувствовал, как в виртуальном теле стянулись пальцы. Интерфейс передал сигнал с небольшой задержкой; он знал, что это не рука, не кожа, не настоящее напряжение. И все же сообщение попало точно туда, где у него возникало то, что он называл болью.

Он не знал, приехал ли Алексей. Не знал, что стояло за просьбой сестры, как давно они не виделись, почему деньги могли заменить визит и сколько раз это уже случалось. В архиве было несколько фотографий до мая: коробки, семейный стол, пожилая женщина в очках. Но ни одной фотографии после. Запись сестры показывала не всю жизнь, а только дверной проем в нее.

Он поставил карточку на стену и добавил вопрос: **«Приехал ли?»**

Система предложила найти подтверждения в банковских уведомлениях, геолокации и бронированиях. Алексей выбрал банковские.

Уведомления раскрылись сухой лентой: зарплата, коммунальные платежи, подписка на музыку, списание за телефон. В июне сумма зарплаты увеличилась. В примечании банка: **«Изменение условий начисления»**. Через три дня с карты ушли деньги за билеты на поезд. Два билета? Нет, один. Маршрут сохранился, но пункт назначения был скрыт настройкой приватности.

Он проверил дату поездки. Билет был куплен, не использован. Или использован, но система не получала подтверждения. Алексей мог отменить поездку, пересесть на другой поезд, поехать на машине, вообще не собираться ехать к сестре. В истории платежей не было ответа.

Он добавил к вопросу знак, потом стер его. Знак выглядел слишком бодрым.

Именно здесь он заметил, как легко данные превращались в рассказ. Один билет — и воображение уже показывало человека у вокзала, который передумал в последнюю минуту. Но билет не доказывал ни вокзала, ни передумавшего человека. Он доказывал только покупку билета.

Алексей вывел на стену три заголовка: **ФАКТ, ВЫВОД, НЕИЗВЕСТНО**.

Под первым написал: «Билет куплен». Под вторым: «Возможно, собирался ехать». Под третьим: «Поехал ли».

В комнате стало легче дышать, хотя воздуха здесь не было.

Пока он работал, архив подгружал сообщения, группируя их по датам. Большинство были мелкими и узнаваемыми по своей будничности: вопрос о документе, ссылка на статью, фотография чужой собаки. Некоторые ответы от имени Алексея были односложными. «Ок». «Да, видел». «Перезвоню». Они могли принадлежать ему. Могли быть результатом автоматической синхронизации со старого устройства. Могли быть написаны человеком, который знал пароль. Ни одна версия не подтверждалась.

Система не пыталась утешить его. Это было почти милосердно.

В начале июля появилась переписка с неизвестным контактом. Имя не сохранилось, номер был замаскирован. Сообщение пришло второго июля, в 22:16.

«Ты обещал не исчезать».

Алексей не сразу открыл соседние сообщения. Он смотрел на фразу, будто за ней могло проступить лицо. Ничего не проступило. Только дата и время.

Под ней лежал ответ, отправленный через девять минут:

«Я постараюсь».

Он испытал странную неприязнь к этому ответу. Не потому, что он был плохим, а потому, что звучал правдоподобно. В нем было обещание, уже заранее ослабленное страхом не справиться. Человек, который написал его, мог быть усталым, виноватым, испуганным. Мог быть Алексей.

Мог быть кто-то другой.

— Кто этот контакт? — спросил он.

Недостаточно данных для идентификации.

— Можно восстановить исходную переписку?

Доступные данные представлены полностью.

«Полностью» оказалось словом, которое архив употреблял без сочувствия. Оно означало: больше ничего не найдено. Не означало, что больше ничего не было.

Алексей прикрепил сообщение к стене. Для него он выбрал красный цвет, но не стал подписывать: «важно». Красный уже делал это за него.

На временной шкале от мая к июню и дальше возникли карточки. С одной стороны — записи, созданные до синхронизации: заметки с его почерком, голосовые сообщения, фотографии, напоминания. После двадцать девятого мая этот слой обрывался. С другой стороны — приглашения, банковские уведомления, сообщения, действия аккаунтов. Они продолжались. Между двумя линиями оставался просвет, и чем больше Алексей находил, тем шире казалось это пространство.

Он проверил журнал личных записей еще раз. Ноль голосовых. Ноль черновиков. Ноль заметок. Система подтвердила, что новых файлов, созданных им и сохраненных в личном хранилище, после двадцать девятого мая не было.

Ноль не означал, что Алексей перестал жить. Он означал только, что копия перестала получать его внутренние свидетельства.

Эта мысль оказалась тяжелее простой версии, в которой он исчез сразу после резервного копирования. Если события продолжались, значит, где-то был человек, который получал повышение, отвечал сестре, покупал билет, просил времени и обещал не исчезать. Человек, чью жизнь можно было разложить по датам, но нельзя было вставить в память. Алексей чувствовал себя не наследником прошлого, а посетителем дома, где все еще стояли его чашки, только кто-то другой пил из них.

Он на секунду убрал с временной линии все карточки, кроме двух. Двадцать девятое мая. Двадцать девятое ноября.

Последняя дата нашлась в системном журнале обновления профиля. Он заметил ее раньше, но не открыл: запись была помечена как техническая, а их было множество. Теперь, после письма неизвестного контакта, она притягивала взгляд.

29 ноября. Активация резервного экземпляра.

Алексей вернул на стену остальные карточки. Июнь. Июль. Август. Пустое расстояние между последней синхронизацией и активацией казалось неправильным даже в комнате, где стены были созданы по команде. Он растянул его, отодвинул события друг от друга. Линия не заполнилась. Только стала длиннее.

— Покажи документы, привязанные к активации двадцать девятого ноября.

Система вывела список. Сначала шли технические записи: версия ядра, контрольная сумма, проверка целостности. Затем архивный отчет с пометкой **«Ограниченный доступ»**.

Алексей открыл его.

Первую страницу составляли сухие поля, даты, номера запросов. Он прочитал заголовок дважды: **«Сопоставление резервного экземпляра с данными владельца биологического носителя»**. Ниже стояли его имя и идентификатор профиля. Следующая строка была короткой.

Дата смерти владельца: 14 августа.

Он замер.

Четырнадцатое августа лежало между двумя датами на стене. Между последним подтвержденным сохранением его личной памяти и ноябрьской активацией копии. Он не знал, что именно произошло в этот день. Не знал, был ли он один, кто был рядом, что услышал и успел ли понять. Отчет не сообщал ничего, кроме того, что человек, чьи данные носили его имя, умер.

Алексей прокрутил страницу. Внизу стояла отметка о регистрации документа от шестнадцатого августа и строка:

Активация резервного экземпляра: 29 ноября.

Между смертью и запуском копии прошло больше трех месяцев.

Поле **«Основание активации»** оставалось пустым. Поле **«Инициатор»** было закрыто уровнем доступа. Никакого объяснения. Никакого письма, которое говорило бы: мы сделали это, потому что. Только даты, разделенные пустотой.

Алексей вернулся к линии на стене и прикрепил к четырнадцатому августа новую карточку. На этот раз он не выбрал ни синий, ни желтый, ни красный. Карточка осталась белой, яркой и пустой, как лист, на котором нельзя было написать то, чего он не знал.

К отчету было прикреплено изображение для идентификации. Алексей открыл его не сразу. Сначала поставил под заголовком **«НЕИЗВЕСТНО»** две новые строки: **«Почему копию активировали?»** и **«Кто был рядом с ним?»**

Потом коснулся миниатюры.

На фотографии человек смотрел прямо в камеру. У него было лицо Алексея.

Человек с моим лицом

Изображение раскрылось на весь экран.

Алексей увеличил резкость, хотя знал: четче станет не лицо, а только пиксели. Человек на снимке смотрел прямо в объектив. Та же впадинка у подбородка. Та же бровь, чуть выше другой. Тот же прищур, который появлялся у Алексея, когда он пытался не показать раздражение.

Но снимок был сделан не до его смерти.

Под изображением обнаружилась тонкая строка метаданных: дата, место, источник. Алексей прочел ее раз, второй. Потом наклонился к экрану, будто цифры могли измениться от близости.

Восемнадцатое сентября. Городской деловой центр. Внутренняя трансляция встречи сотрудников.

Прошло больше месяца после активации резервной копии. И, согласно документам, почти пять месяцев после смерти оригинала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.